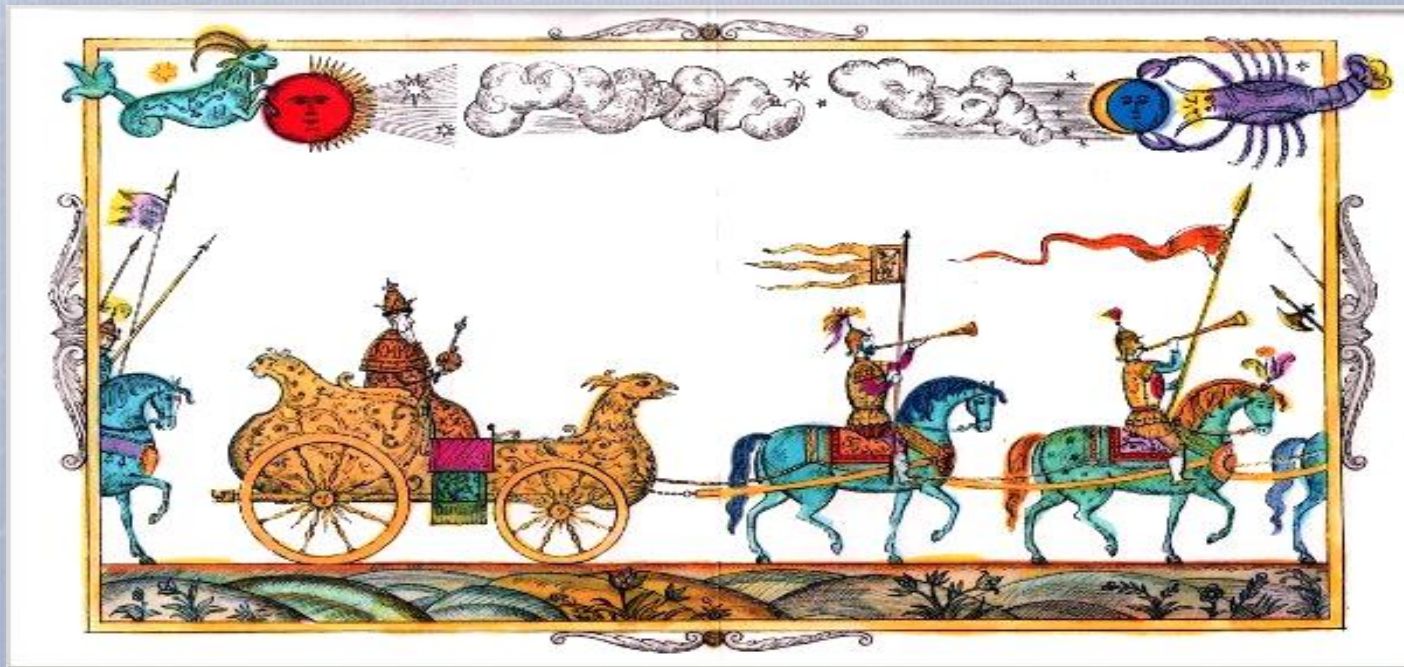

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
Зональная научная библиотека имени В. А. Артисевич*

представляют виртуальную выставку

**«СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ»
А. С. ПУШКИНА
В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ**

**Саратов
2024**

В. А. Тропинин

Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837)

1827 г. Холст, масло, 68,5x56 см.

Портрет хранится во Всероссийском музее А. С. Пушкина (Санкт-Петербург)

«Сказка о Золотом петушке» написана А. С. Пушкиным в 1834 г. Сюжет сказки вероятно взят из «Сказок «Альгамбры» Вашингтона Ирвинга «Легенда об арабском звездочёте».

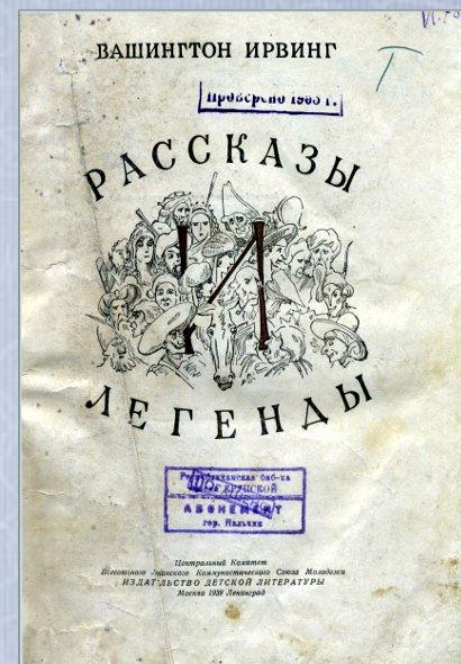
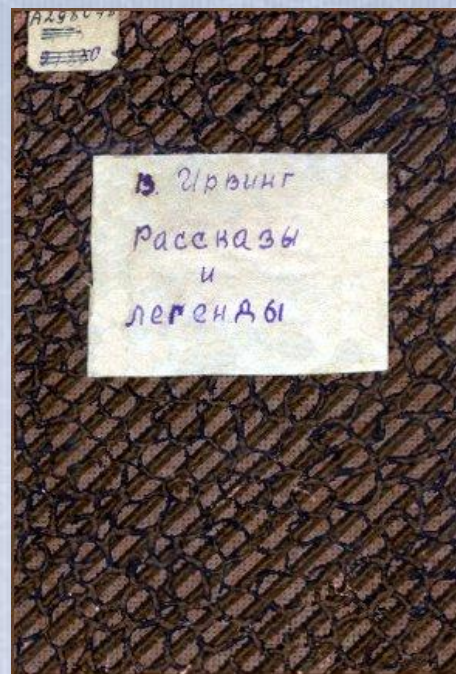
«Для путешественника, любящего историю и поэзию, Альгамбра – такой же предмет поклонения, каким является Кааба, святыня Мекки, для всех правоверных пилигримов-мусульман. Сколько легенд и преданий, правдивых и сказочных; сколько песен и романсов, испанских и арабских, – песен любви и войны, и рыцарства – связано с этой романтической крепостью!» – писал В. Ирвинг, путешествуя по Испании, где жил в Альгамбре, в старинном мавританском дворце наедине с легендами прошлых веков.

Книга, в которой он рассказал эти легенды, на-зывается «Альгамбра».

В этой книге, пёстрой, как восточный ковёр, прихотливой, как мавританские мечети, Пушкин нашёл сюжет для своей «Сказки о золотом петушке» – это «Легенда об арабском звездочёте». Некоторые эпизоды из первоисточника Пушкин исключил.

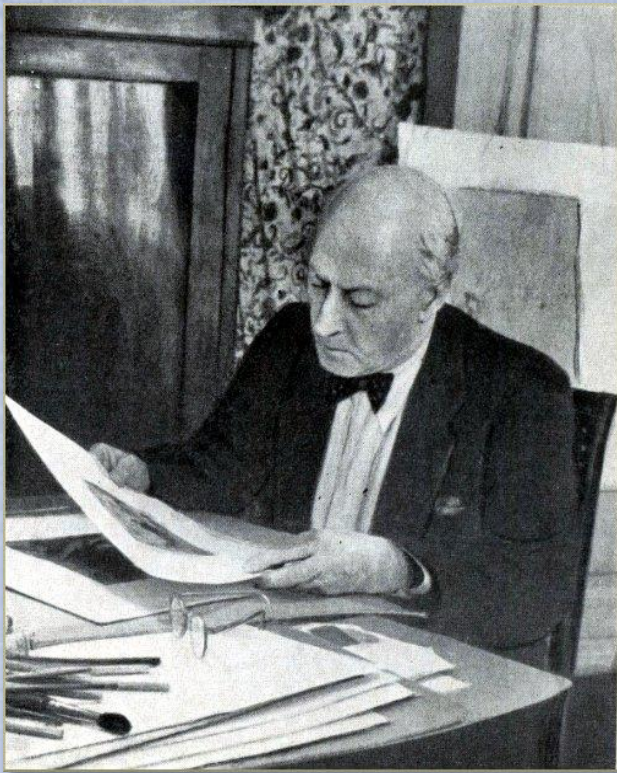
В личной библиотеке Пушкина, которая сохранилась до наших дней, рядом с произведениями Байрона и Сервантеса лежит томик «Альгамбры». (*Наст. изд., с. 14-15*).

Иллюстрации к «Легенде об арабском звездочёте» В. Ирвинга выполнены художником Владимиром Георгиевичем Бехтеевым.

А 2980

Ирвинг, В. Легенда об арабском звездочёте / В. Ирвинг. – Текст : непосредственный // Ирвинг, В. Рассказы и легенды / В Ирвинг. – Москва ; Ленинград : Издательство детской литературы, 1939. - С. 122-135.

**Владимир Георгиевич Бехтеев
(1878 -1971)**

Источник фото: Владимир Георгиевич Бехтеев : каталог / под редакцией Б. Ящиной. – Москва : Советский художник, 1970, [52] с. – Текст : непосредственный.

Владимир Георгиевич Бехтеев родился в 1878 г. в Москве в семье военного. Его ожидала блестящая военная карьера, но прослужив три года, он бросил военную службу и уехал учиться живописи в Мюнхен в начале 1910-х годов. Тогда же он стал членом мюнхенского интернационального объединения художников. Вернувшись в Россию, Бехтеев работал в отделе охраны памятников и старины, в 1920-1921 гг. исполнял обязанности главного художника в московском цирке. Владимир Георгиевич создал целый ряд превосходных станковых картин, акварелей, рисунков, пробовал свои силы в скульптуре.

Но его имя широко известно русским читателям преимущественно как имя автора многочисленных книжных иллюстраций. Художник оформил и проиллюстрировал свыше ста произведений русских, советских и иностранных писателей. «Иллюстрации Бехтеева полны неотразимого очарования. В своих иллюстрациях В. Г. Бехтеев верно передаёт эпоху, обстановку, костюмы, характер и жесты героев. Он никогда не выставляет на показ своих исторических познаний, но они незримо помогают ему. В своих работах художник выступает не как бесстрастный наблюдатель и свидетель, а как очевидец, которому может открываться и то, о чём только догадывался писатель...

В наш век, когда искусство в поисках большей действенности так часто переступает свои границы, нам особенно дорого, когда большой мастер напоминает о том, чтобы служить человеку, искусство должно быть искусством, а художник – артистом», – отмечает М. Алпатов».

Большой интерес вызывают полные динамики и юмора иллюстрации В. Г. Бехтеева к «Легенде об арабском звездочёте» В. Ирвинга 1939 г., выполненные пером и тушью. «...Портреты героев, в которых линия бегло, словно шутя, очерчивает лица, в то же время оказывается беспощадной и жестоко обличающей...», – пишет Д. Коган.

«У каждого художника свой путь в искусстве, но иллюстратора отличает в особенности многообразная нагрузка памяти. Он имеет дело с литературой разных стран и времён, и от него требуется постижение духа литературного произведения и той эпохи, в которой живут и действуют герои. Иллюстратор обязан держать в памяти уйму вещей. Он должен помнить, в какие платья одевалась, какую причёску носила и на каких креслах сидела Татьяна Ларина, в каких палатах жил и на какой кровати спал храбрый царь Дадон, он должен знать, как запрягается русская тройка и что такое «пахва» и «паперсь» в снаряжении верхового коня, как выглядит печёв крестьянской избе и какой формы окна во дворце короля Артура. Он должен заметить, как отражаются на человеческом лице и в жестах радость и горе, боль и отчаяние, великодушие и скупость, ибо ему придётся передавать душевные движения литературных героев. Все эти «заготовки» накапливаются в кладовой памяти всю жизнь...

Получая заказ от издательства, художник не сомневается в своём праве иллюстрировать любого автора, если только литературный текст даёт толчок для работы воображения и может послужить поводом к созданию зрительных образов. Все как будто согласны с тем, что иллюстрации обогащают книгу и помогают читателю постижению автора. Но вот в письмах Флобера мы находим такие строки: «Я терпеть не могу иллюстраций, особенно когда дело касается моих произведений, и пока я жив, их не будет». Но почему же? Оказывается, у автора для такого категорического неприятия иллюстраций имеются достаточно веские основания. Он пишет: «...Настойчивость, с какой Леви [издатель] требует иллюстраций, приводит меня в неопределимую ярость. Не стоило с таким трудом давать туманные образы для того, чтобы явился какой-нибудь сапожник и разрушил мою мечту нелепой точностью».

Эта боязнь иных художников слова перед иллюстрацией понятна и объяснима. У иллюстрации множество опасных свойств, и прежде всего её мнемоническая цепкость, назойливость непрошенной гостьи. Никакое самое яркое словесное описание литературного героя не может представить читателю с такой конкретной определённой его облик, с какой это делает иллюстрация. Таким образом, иногда рисунок может стать барьером между читателем и авторским замыслом.

Эти опасные свойства иллюстрации обязывают художника-иллюстратора очень осторожно подходить к литературному произведению. Только при наличии особого «избирательного сродства» между писателем и иллюстратором случается чудо слияния зрительного и литературного образа в нерасторжимое единство, и тогда иллюстрация остаётся в сознании читателя постоянным спутником книги» .

Н. Кузьмин.

Легенда об арабском звездочёте

«В давние времена, много веков назад, жил мавританский король по имени Абен Хабуз, правивший королевством Гренады. Это был победитель в отставке, иными словами – воин, который дни своей юности провёл в непрерывных набегах и грабежах, а теперь, ослабев с годами, жаждал отдыха и мечтал об одном: жить в мире со всем миром, беречь свои лавры и покойно править владениями, отбитыми у соседей. Случилось, однако, что старому этому монарху, разумному и миролюбивому, пришлось иметь дело с юными соперниками, движимыми той же страстью, что владела некогда им, – жаждой славы и ратных подвигов – молодые государи стремились расквитаться с ним за поражения своих отцов.

Иные дальние области собственных его земель, испытавшие его тяжкую руку в дни, когда был он силён, также готовы были теперь, когда он тосковал по покою, поднять мятеж и грозились обложить его столицу... Напрасно строил он в горах дозорные башни и расставлял стражей у всех проходов, чтобы ночью – огнём и дымом – днём подавали они весть о приближении неприятеля. Всем предосторожностям вопреки прорывался изворотливый враг каким-нибудь забытым ущельем, под самым носом у короля опустошал его земли, а там – с добычей и пленниками – исчезал в горах. Знал ли когда-либо миролюбивый, былой победитель худшую долю? (*Наст. изд., с. 122-123*).

Рис. В. Бехтеева. Тушь, перо.

В то время, когда все эти беды и тревоги терзали Абен Хабуза, явился к его двору древний арабский лекарь. Седая борода его ниспадала до пояса, – по всей видимости, он был очень стар... Молва бежала перед ним. Звали его Ибрагим Ибн Абу Аджиб: говорили, будто он живёт ещё со времён Магомета, будто он сын Абу Аджиба, последнего из соратников пророка...

Почтительно беседовал с чудесным старцем король, который, как и большинство престарелых монархов, проявлял к лекарям большую благосклонность. Он с радостью отвёл бы ему покои у себя во дворце, но звездочёт предпочёл жить в пещере на склоне холма, возвышающегося над Гренадой, того холма, на котором впоследствии построена была Альгамбра... В скором времени мудрый Ибрагим стал задушевным советником короля, и король прибегал к его помощи в каждой своей нужде... Абен Хабуз однажды сетовал на несправедливость своих соседей и с грустью рассказывал о недреманной бдительности, с какой приходится ему следить за врагами, чтобы уберечься от их вторжений. Когда окончил король, звездочёт немного помедлил, потом ответил:

— Знай, о король! Когда я был в Египте, видал великое чудо, измышленное древней языческой жрицей. На горе, над городом Борса, над широкой долиной Нила, была воздвигнута фигура барана, а под нею – фигура петуха, обе – из литой меди, и вращались они на стержне. Если стране угрожало нашествие врага, баран обращался лицом к неприятелю, а петух принимался кричать; и жители города знали, что опасность близка, и знали, с какой стороны ждать набега, и вовремя могли принять меры, чтобы оборониться от врага. Велик аллах! – воскликнул мирный Абен Хабуз. – Какое бы счастье – иметь такого барана, что стерёг бы окрестные горы, и петуха, что кричал бы в минуту опасности!

Звездочёт, после того как улеглось волнение короля, продолжал: «однажды сидел я на берегу Нила, беседуя с древним жрецом, – и вдруг указал он мне на огромные пирамиды, подобно горам возвышающиеся над пустыней... «Всё то, чему можем мы научить тебя, – сказал он, – ничто по сравнению с мудростью, схороненной в этих громадах. В глубине средней из пирамид есть погребальная комната, где заперта мумия верховного жреца, который помогал в сооружении этой великой усыпальницы; вместе с ним погребена чудесная книга знания, содержащая все тайны магии и искусства. Эта книга дана была Адаму после грехопадения и переходила из поколения в поколение, до самого царя Соломона Мудрого; с помощью книги он построил иерусалимский храм. Как досталась книга строителю пирамид – об этом ведаёт только тот, кому ведомо всё на земле». *(Наст. изд., с. 124).*

— Сын Абу Аджиба ! – воскликнул Абен Хабуз. – Ты был великим странником и видел дивные вещи; но к чему мне она – эта тайна пирамиды и вся премудрость царя Соломона ?

— Слушай, о король! Изучая эту книгу, я познал всё искусство магии; в моей власти вызвать духов, которые помогут свершению моих планов. Мне ведома тайна талисмана города Борсы, и я могу сделать такой талисман – такой, и более могущественный!

— О мудрый сын Абу Аджиба, – вскричал Абен Хабуз, – такой талисман лучше всех дозорных башен в горах и стражей у границ! Дай мне такую охрану, и все сокровища моей казны – в твоей власти.

Звездочёт тотчас же принялся за дело, чтобы исполнить желание монарха. Он велел воздвигнуть высокую башню на крыше королевского дворца. Башня была сложена из камней, привезённых из Египта, и говорят, будто камни эти взяты были в одной из пирамид. В верхней части башни был круглый зал с окнами на все стороны света, а перед каждым окном стоял стол, на котором, как на шахматной доске, расставлены были потешные войска, конные и пешие, выточенные из дерева, и фигурки воевод, не больше шильца, копье, в выгравированными на нём халдейскими буквами. Этот зал всегда был закрыт медными дверями с большим стальным замком, ключ от которого хранился у короля.

На вершине башни, укреплённая на шпиле, стояла бронзовая фигура мавританского всадника, со щитом на одной руке и с копьем, вознесённым отвесно. Всадник был обращён лицом к городу, словно стоял на страже; но если случался враг, фигура обращалась в ту сторону и опускала копье, будто готовилась к бою.

Как-то ранним утром часовой, наряженный следить за башней, донёс, что лицо бронзового всадника обратилось к горам Эльвиры и копье его направлено прямо на ущелье Лопе...

Престарелый Абен Хабуз взошёл по лестнице наверх, опираясь на руку ещё более престарелого Ибрагима Ибн Абу Аджиба... Король Абен Хабуз приблизился к столу, похожему на шахматную доску, где расставлены были маленькие деревянные фигурки. И вдруг, к своему изумлению, увидел, что все они движутся. Кони скакали и вставали на дыбы, воины потрясали доспехами, слышались тихие звуки барабанов и труб, и звон оружия, и ржание коней; но всё это было не громче, не явственней, чем гудение пчелы или мухи.

— Смотри, о король, – сказал звездочёт, – вот доказательство, что враги твои сейчас ещё находятся на поле брани. Если хочешь привести их в смятение и обратить в бегство, никого не губя, поражай эти фигуры древком волшебного копья; если хочешь резни и кровопролития – бей острым концом... (*Наст. изд., с. 125*).

Рис. В. Бехтеева. Тушь, перо.

Не без труда удержал звездочёт руку миролюбивейшего из монархов и не дал ему полностью уничтожить его врагов; в конце концов он убедил его покинуть башню и выслать разведчиков в горы ущелья Лопе. Они возвратились с донесением, что христианское войско проникло в самое сердце Сьерры и было уже вблизи Гренады, когда раздоры вспыхнули среди его отрядов; они обратили оружие друг против друга и после кровавой схватки отступили через границу.

Абен Хабуз был сам не свой от восторга, когда убедился в чудодейственной силе талисмана.

— Наконец-то, – сказал он, я смогу жить покойно, все враги мои будут в моей власти. О мудрый сын Абу Аджиба, чем наградить мне тебя за такое благодеяние?

— Желания старца и мудреца просты и немногочисленны, о король! Помоги мне только превратить мою пещеру в достойную обитель – и больше мне ничего не нужно.

— Как благородна умеренность истинных мудрецов! – воскликнул Абен Хабуз, в глубине души обрадованный тем, как дёшево будет ему стоить награда. Он позвал своего казначея и распорядился, чтобы тот предоставил Ибрагиму всё, что потребуется для устройства обители.

Казначей короля Абен Хабуза стонал, – так велики были суммы, потребные для устройства обители; он обратился с жалобой к королю. Но королевское слово было дано; Абен Хабуз только пожал плечами... Нужно иметь терпение, – сказал он. – Этот старик хочет создать обитель наподобие тайных покоев пирамид и великих руин Египта; но всё имеет конец – кончится и работа по украшению его пещеры.

Король был прав: в конце концов обитель была готова – великолепный подземный дворец.

— Теперь я доволен, – сказал Ибрагим Ибн Абу Аджиб казначею, – я запрусь в моей келье и отдам всё моё время размышлению. Больше мне ничего не нужно – ничего, кроме небольшого развлечения для отдыха после умственного труда. Мне хотелось бы только несколько танцовщиц....Пусть будут они все юны и приятны для глаз; ибо созерцание юности и красоты освежает в старости. (Наст. изд., с. 126-128).

Рис. В. Бехтеева. Тушь, перо.

Пока звездочёт Ибрагим Ибн Абу Аджиб так мудро проводил время в своей обители, миролюбивый Абен Хабуз продолжал вести яростные битвы с фигурками в своей башне. Наконец однажды вещей всадник внезапно повернулся и, опустив копье, твёрдо уставился им на горы Гуадикса. Абен Хабуз поспешил в свою башню, но волшебный стол в той стороне оставался в покое; ни один воин не шевельнулся. Озадаченный этим, король послал конный отряд, чтобы обрыскать горы и произвести разведку. Всадники воротились после трёхдневной отлучки.

— Мы обшарили каждый горный переход, — сказали они, — но нигде не мелькнуло ни пика, ни шлема. Всё, что нашли мы в наших поисках, — это христианскую деву невиданной красоты; она спала в полуденный час у ручья... Мы захватили её в плен. Прекрасную деву привели, как велено было, пред его очи, она была наряжена со всей роскошью, принятой среди испанцев в пору арабского завоевания. Жемчуга ослепительной белизны были вплетены в её косы, чёрные, как воронье крыло; драгоценные камни искрились у неё на лбу, соперничая с сиянием её глаз... Абен Хабуз безоглядно отдался своей страсти. Единственное, о чём он помышлял, — как бы стать привлекательным в глазах готской красавицы. Молодостью, правда, он не мог её ослепить, зато у него было богатство; а когда влюблённый стар, он обычно бывает щедр... В конце концов над головой Абен Хабуза грянула гроза, никак не возвещённая талисманом. Возмущение вспыхнуло в самой столице; дворец короля был окружён вооружённой толпой, которая угрожала жизни Абен Хабуза и жизни его христианской чаровницы. Искра былого воинственного духа зажглась в груди короля. Во главе горсти своих телохранителей он сделал вылазку, обратил мятежников в бегство и в самом зародыше подавил восстание. Когда спокойствие было водворено, он призвал к себе звездочёта...

— Ты, издали зрящий опасность, научи меня, как мне избежать этих бед.

— Расстанься с пленной девой, причиной всех несчастий.

— Скорее я готов расстаться с моим королевством! — вскричал Абен Хабуз .

— Боюсь, что тебе придётся расстаться и с королевством и с девой сразу, ответил звездочёт...(Наст. изд., с.

— Не будь так жесток и резок, о мудрейший из мудрых; внемли печали короля и влюблённого и укажи, как защититься от бед, которые мне угрожают. Мне не нужно величия, мне не нужно власти, я помышляю об одном лишь покое: всё, что мне нужно, – это тихое убежище, куда бы я скрылся от мира, от всех его забот и треволнений, чтобы посвятить остаток дней моих отдыху и любви.

— А что дашь ты мне, если я укажу такое убежище?

— Выбирай сам себе награду, и какова бы она ни была, если в моей власти, я дам тебе её, клянусь душой.

— Слыхал ли ты, король, о саде Ирема, одном из чудес счастливой Аравии? Я слыхал об этом саде – о нём говорится в Коране, во главе под названием «Заря Дня»... Он является до поры до времени какому-нибудь путнику вроде тебя, радуя его взор своими башнями и дворцами, деревьями, гнущимися под тяжестью плодов; а потом исчезает. И ничего не остаётся на месте его, кроме голой пустыни... Этот рассказ, о король, и чудеса, которые довелось мне увидеть, навсегда запали мне в душу; и позже, когда я был в Египте и овладел книгой мудрости царя Соломона, я решил возвратиться туда и вновь посетить сад Ирема. Я сделал это и сад открылся моему искущённому оку. Я завладел дворцами Шеддада и провёл несколько дней в его земном раю...

— О мудрый сын Абу Аджиба, – воскликнул Абен Хабуз, дрожа от счастья, – ты и вправду великий странник и знаешь много чудесных тайн! Сотвори мне такой рай и проси любую награду, хоть полкоролевства.

— Увы, – сказал звездочёт, – ты знаешь, я старый человек, скромный мудрец, много мне не нужно; если хочешь наградить меня, обещай мне в награду первое животное, которое войдёт в волшебные двери дворца, – первое животное с его ношей. Король охотно согласился удовлетворить такую скромную просьбу, и звездочёт принял за дело...

На вершине холма, прямо над подземной обителью, он велел возвести большие ворота, открывающие проход под высокой башней... Абен Хабуз всё ждал, когда же засверкают над ним башни дворца и террасы садов раскинутся по высотам; но пока ничего похожего не было видно.

— Такова тайна и защита убежища, – сказал звездочёт. – Ничего нельзя узреть, пока не пройдёшь зачарованные ворота и не вступишь во владение этим местом. Когда они приблизились к воротам, звездочёт остановился и указал королю на магические знаки – руку и ключ, высеченные на портале и арке.

— Это, – сказал он, – талисманы, охраняющие вход в этот рай. Доколе эта рука не опустится и не возьмётся за ключ, никакие чары не одолеют хозяина этой горы... (Наст. изд., с. 131 -132).

Рис. В. Бехтеева. Тушь, перо.

— Прощай, Абен Хабуз! Властвуй в своём королевстве, будь счастлив в раю дураков; а я — я буду смеяться над тобой в моей подземной обители. Молвив так, схватил он скакуна под уздцы, ударил своим посохом оземь и вместе с готской принцессой исчез в недрах земли. Земля затворилась за ними, и ни следа не осталось на этом месте. (Наст. изд., с. 133-134).

Пока, разинув рот, в безмолвном изумлении глядел Абен Хабуз на эти чудесные талисманы, конь принцессы прошёл вперёд и пронёс её в глубину портала, в самую середину башни.

— Смотри, — крикнул звездочёт, — вот обещанная мне награда : первое животное, которое войдёт в волшебные двери дворца, первое животное с его ношей!

Абен Хабуз усмехнулся, приняв это за шутку, но когда понял он, что звездочёт не шутит, седая борода его затряслась от возмущения...

— Жалкий сын пустыни! — вскричал он. Тебе подвластны многие чары, но господин твой — я, и ты не смеешь шутить над своим королём.

— Мой господин! Мой король! — усмехнулся звездочёт. — Уж не думаешь ли ты, монарх кротовой кучи, что подвластен тебе тот, кто владеет талисманом царя Соломона!

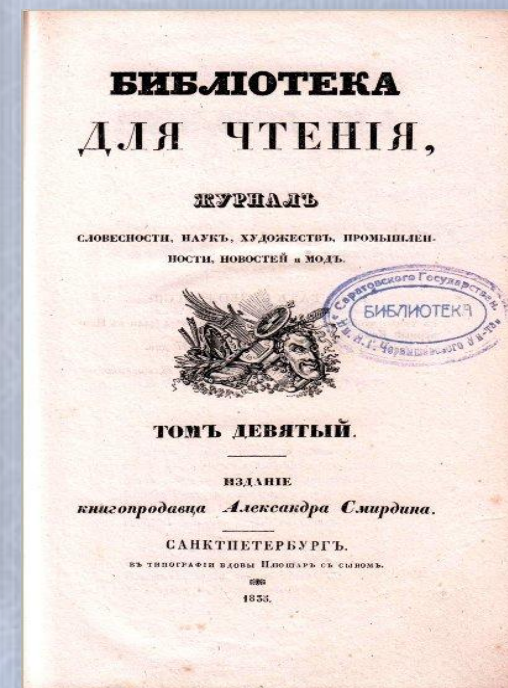

Рис. В. Бехтеева. Тушь, перо.

Сказка о Золотом петушке

Предвидя неизбежные затруднения с цензурой, Пушкин перед сдачей рукописи «Сказка о золотом петушке» в печать сам внёс в её текст необходимые изменения. Стихи «Помолясь Илье пророку» и «Но с царями плохо вздорить» поэт заменил на «Сам не зная быть ли проку» и «Но с иным накладно вздорить». Эта замена особенно знаменательна. Как раз в том же 1834 году Пушкин в шуточных тонах, но, по существу, весьма серьёзно писал в одном из писем жене об их маленьком сыне: «... Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями! В стихах он отца не перещегооляет, а плетью обуха не перешибёт».

*Негде, в тридесятм царстве,
В тридесятм государстве,
Жил был славный царь Дадон:
Смолоду был грозен он,
И соседям то и дело
Наносил обиды смело;
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел,
И покой себе устроить.
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя...*

2373

Пушкин, А. С. Сказка о золотом петушке / А. С. Пушкин. – Текст : непосредственный // Библиотека для чтения : журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. – Санкт-Петербург : Типография вдовы Плюшар с сыном, 1835. – Том 9. – С. 111-117.

(Наст. изд. С. 111)

**Михаил Соломонович Майофис
(р. 1939)**

Источник фото: Художник Михаил Соломонович Майофис : фото. – Изображение : электронное // Дом Гоголя : сайт. – 2018. – URL : <https://gogol.museum-online.moscow/api/spf/t0sU-8OfSDhmnSFVuWbJFICgsjgfd9bqkezpjuFSbPWGWVxBI32cepdcPtBuTzrC.jpg?w=1000&h=1000> (дата обращения: 05.11.2023).

Михаил Соломонович Майофис – художник-график, книжный иллюстратор, родился в Ленинграде в 1939 г. В 1963 г. Майофис закончил институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Член союза художников России. Первая книга в его оформлении вышла в 1962 г. Художник оформил и проиллюстрировал более ста книг, среди которых произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. А. Крылова, Б. В. Заходера. Работы художника находятся в Русском музее, Третьяковской галерее, в музеях и частных коллекциях России других стран.

Художник Михаил Майофис не пересматривает и не усложняет общепонятные характеристики сказки Пушкина. Его герои смешны и всё, что происходит с ними, смешно...

Его иллюстрации очень красивы. Не только богатством и изощрённостью офортной техники, свободой штриха, ощупывающего форму и легко и точно, изысканностью лёгкой акварельной подкраски, но и красотой самого предметного мира, предстающего перед нами. Красота сгущена почти до вызывающей неправдоподобности. Каждая из реалий, заботливо отобранных и любовно воспроизведённых художником, – как будто и достоверна сама по себе, но, соединённые вместе, они образуют мир диковинный, где всё преувеличено, и красота в том числе.

Талант в нём счастливо сочетается с высокой культурой, остроумная фантазия с терпением и трудолюбием, а вдохновение с редкой взыскательностью и строгостью к своему труду», – отмечает Э. Кузнецов.

A657051

Пушкин, А. С. Сказка о золотом петушке / А. С. Пушкин ; рисунки М. Майофиса. – Москва : Малыш, 1987. – [34] с. : ил. – Текст непосредственный.

*Негде, в тридесятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил был славный царь Дадон:
Смолоду был грозен он,
И соседям то и дело
Наносил обиды смело;
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел,
И покой себе устроить.
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.*

*Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.*

(Наст. изд., с. 3-4).

*Воеводы не дремали:
Но никак не успевали,
Ждут, бывало с юга, глядь, –
Ан с востока лезет рать !*

(Наст. изд., с. 5-6).

*Справят здесь, – лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон.
Инда забывал и сон.
Что за жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу,
Звездочёту и скопцу.
Шлёт за ним гонца с поклоном.*

*Вот мудрец перед Дадонем
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
«Посади ты эту птицу, –
Молвил он царю, – на спицу ;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незваной,
Вмиг тогда мой петушок,
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенётся
И в то место обернётся».*

(Наст. изд., с. 7-8).

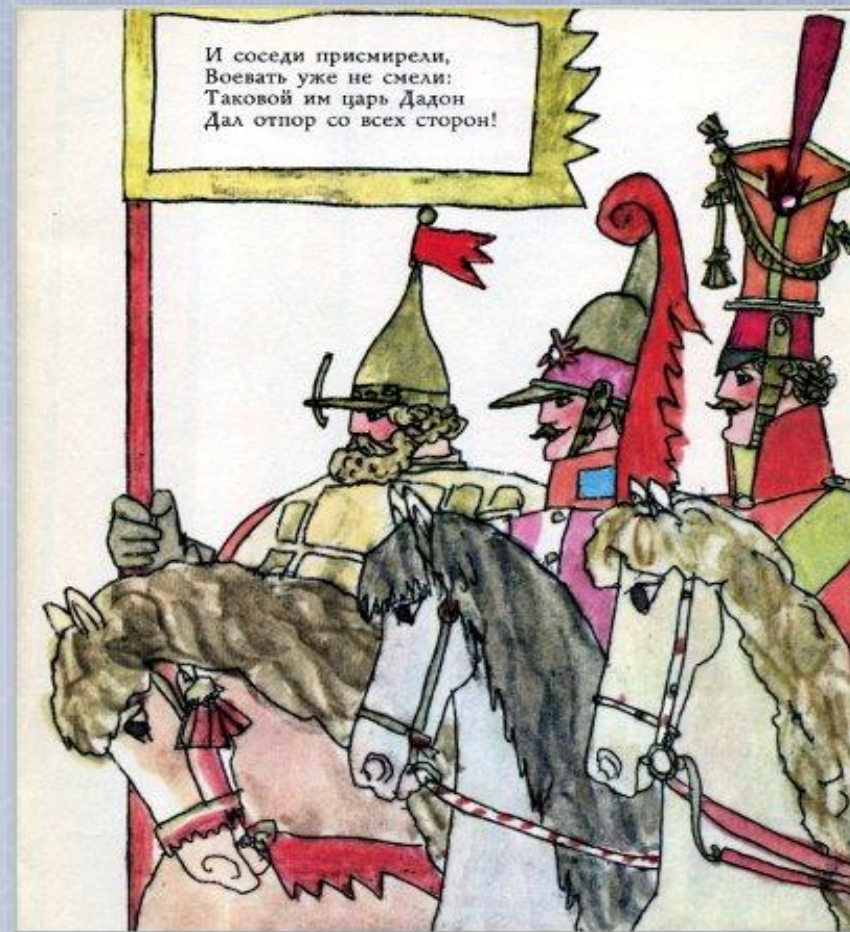

*Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
«За такое одолженье, –
Говорит он в восхищенье,
Волю первую твою
Я исполню, как мою».*

(Наст. изд., с. 9-10).

*Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнётся, встрепенётся,
К той сторонке обернётся
И кричит : «Кури-ку-ку.
Царствуй лёжа на боку!»*

*И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!*

(Наст. изд., с. 11-12).

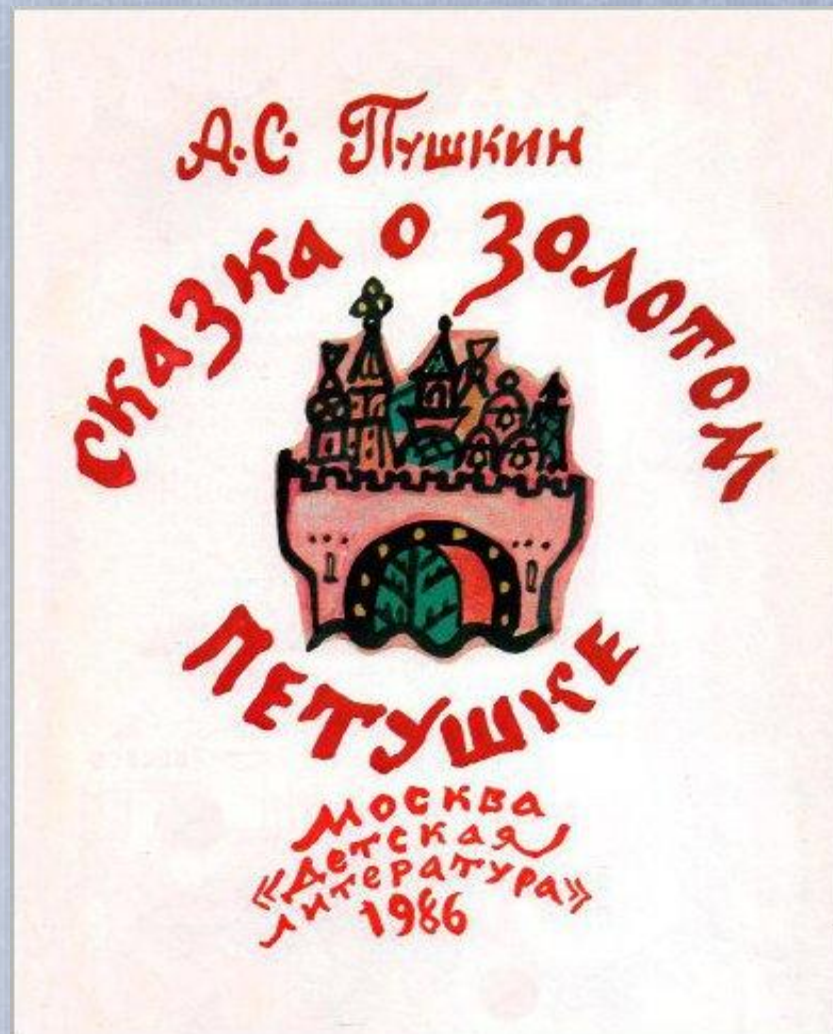
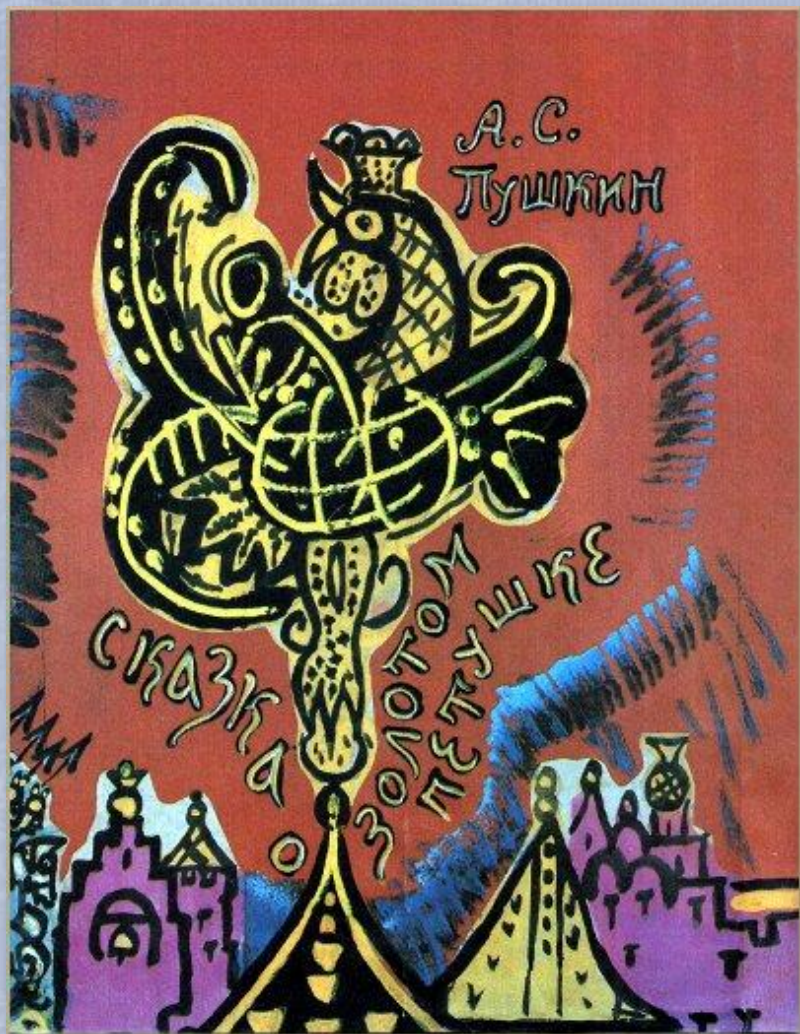
***Татьяна Алексеевна Маврина
(1900-1996)***

Источник фото: Костин, В. И. Татьяна Алексеевна Маврина / В. И. Костин. – Москва : Советский художник, 1966. – 178, [2] с. : ил. – Текст : непосредственный.

Татьяна Алексеевна Маврина – Заслуженный художник РСФСР (1981), лауреат Государственной премии СССР.

Многие из тех, кто испытал радость видеть иллюстрации Татьяны Алексеевны Мавриной к русским народным сказкам, едва ли догадываются, что какая-нибудь изображённая художницей ветряная мельница была увидена ею в натуре среди полей Вологодской области, что корни взяты ею, если этого требовал замысел, с древней иконы Флора и Лавра или с северодвинской прялки, зверей же и домашних животных и птиц она рисовала в «уголке Дурова». Даже баснословные цветы и травы имеют «прототипов» в действительности – они срисованы с изделий народных мастеров, с заставок и заглавных букв старинных рукописных книг... Маврина так формулирует свой индивидуальный метод иллюстрирования сказок: «Когда рисуешь сказку, то применяешь разные способы рассказа в рисунках. Если хочешь приблизить её к реальности даёшь горизонт, перспективу, хочешь повысить сказочность, фантастичность, то рисуешь в более условном пространстве, как на иконах и в миниатюрах. И всё-таки никогда не отрываешься от реальности, чтобы не уйти в схему и стилизацию...». «Маврина изображает сегодняшний наш день, как он выглядит в тех древних городах средней России, где некогда княжили неуживчивые летописные Мстиславы и Ярославы, потом было тихое уездное житие, вслед за которым утвердилась деятельная районная жизнь.

Быть может, умение остро и наблюдательно передавать своеобразную прелесть провинциального «райгорода», как писал Грабарь, и есть главное в таланте Мавриной...», – отмечает Ефим Дорош в предисловии книги «Татьяна Алексеевна Маврина».

А 652069

Пушкин, А. С. Сказка о золотом петушке / А. С. Пушкин ; рисунки Т. А. Мавриной. – Москва : Детская литература, 1986. – 36 с. : ил. – Текст непосредственный.

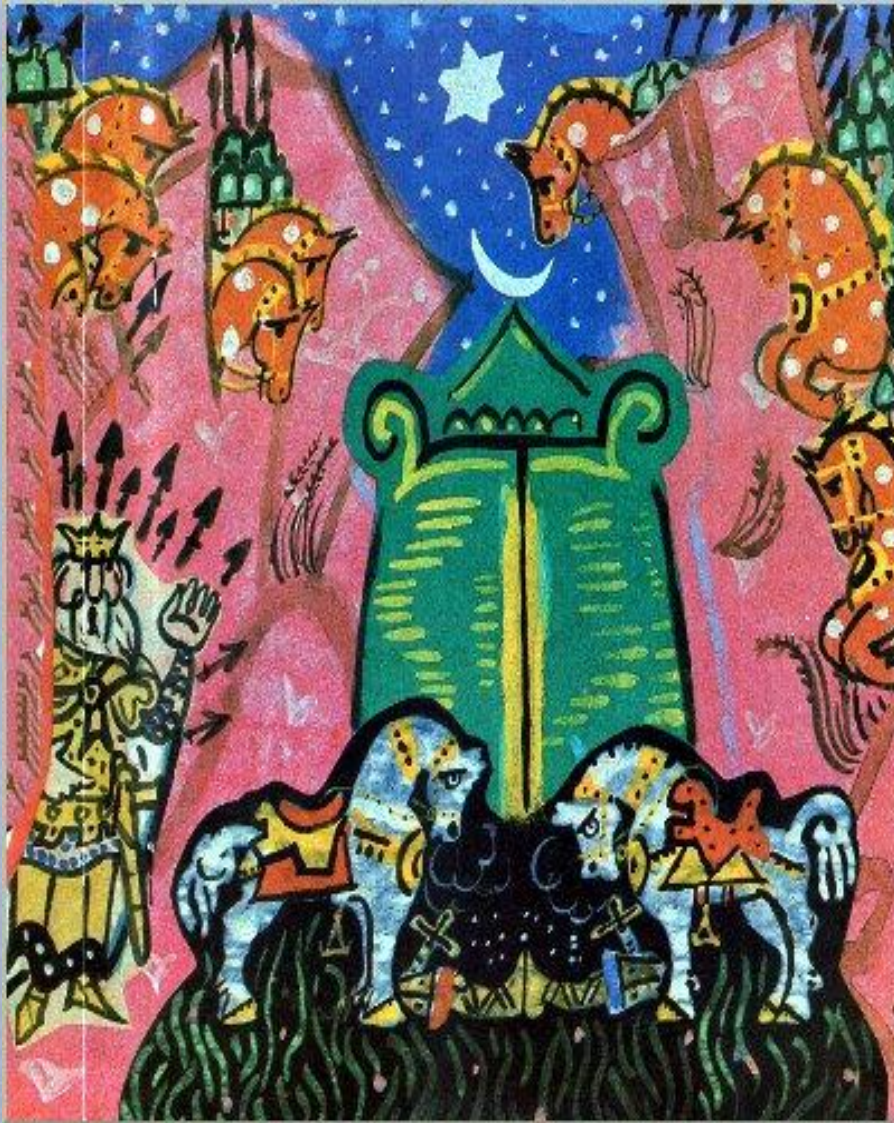
(Наст. изд., с. 12)

*Год, другой проходит мирно ;
Петушок сидит всё смирно.
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробуждён :
«Царь ты наш ! Отец народа ! –
Возглашает воевода. –
Государь ! Проснись ! Беда !»*

(Наст. изд., с. 13-15).

*«Что такое, господа? –
Говорит Дадон, зевая. –
А? Кто там? Беда какая?»
Воевода говорит:
«Петушок опять кричит;
Страх и шум во всей столице».
Царь к окошку, – ан на спице,
Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.
Медлить нечего: «Скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!»
Царь к востоку войско шлёт,
Старший сын его ведёт.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.*

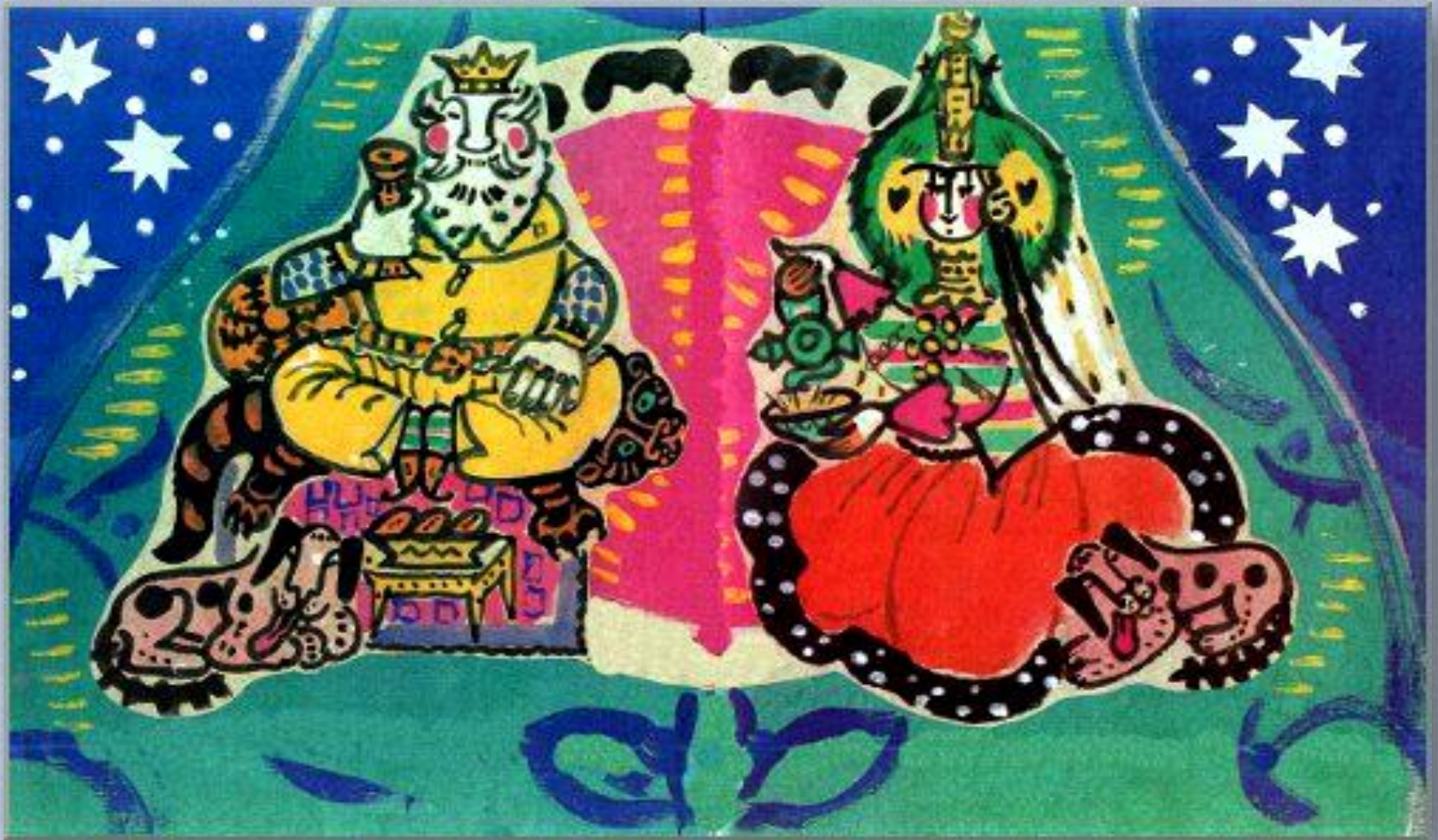

*Войска идут день и ночь:
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
«Что за чудо?» – мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шёлковый шатёр.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит...
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мёртвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
по притоптанной траве,
По кровавой мураве...
Царь завыл: «Ох, дети, дети!
Горе мне! Попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! Смерть моя пришла».*

*Все завыли за Дадонем,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслося. Вдруг шатёр
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадонем
Улыбнулась – и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатёр свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала;
Уложила отдыхать
На парчовую кровать.*

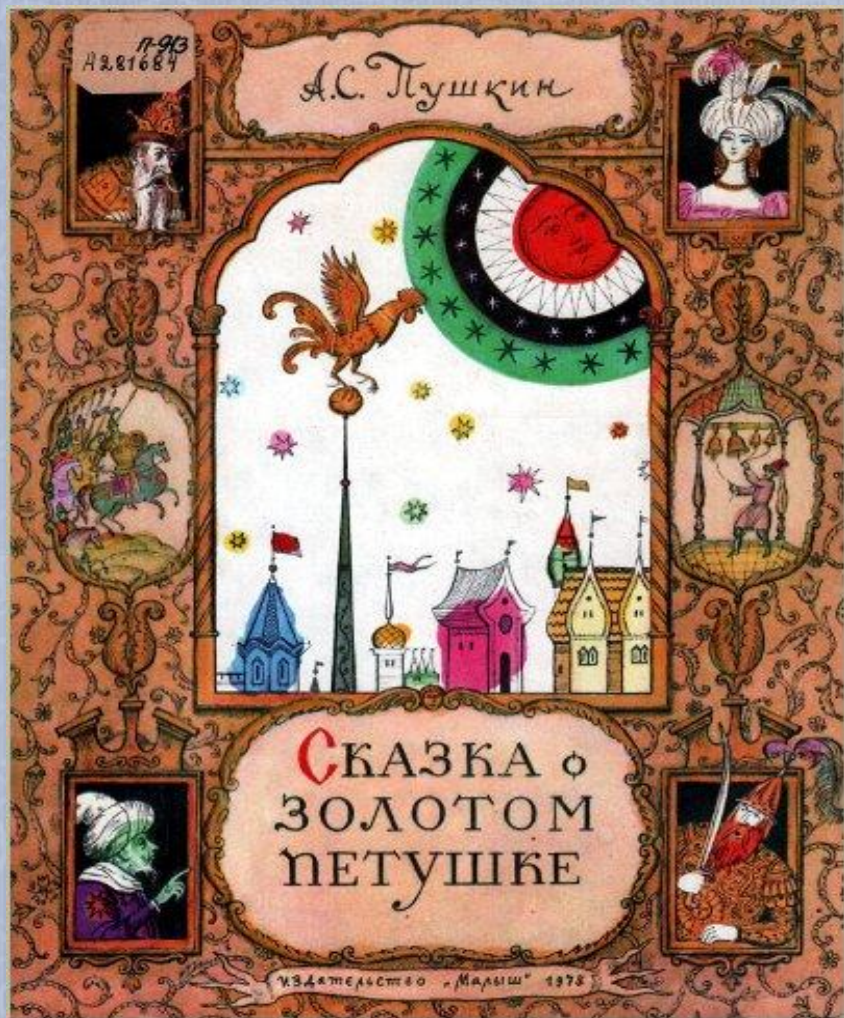

(Наст. изд., с. 19-20).

*И потом, неделю ровно
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищён
Пировал у ней Дадон.*

(Наст. изд., с. 21-22).

A281684

Пушкин, А. С. Сказка о золотом петушке / А. С. Пушкин ; рисунки О. Зотова. – Москва : Малыш, 1979. – [32] с. : ил. – Текст : непосредственный.

**Олег Константинович Зотов
(1828-1984)**

Источник фото: Художник Олег Константинович Зотов : фото. – Изображение : электронное // Лаборатория фантастики : сайт. – 2005-2023. – URL : https://fantlab.ru/images/arts/2532_1?r=1701700335.44312 (дата обращения: 05.11.2023).

Олег Константинович Зотов – русский художник, график, книжный иллюстратор. О. К. Зотов родился в Москве в семье художника, плакатиста и мультипликатора Константина Васильевича и его жены художницы Маргариты Владимировны.

Уже в детстве он замечательно рисовал и мастерил старинные корабли. Художественное образование Олег получал сначала в художественной школе при институте им. Сурикова, а затем в самом институте, который закончил в 1953 г. и отправился матросом в дальнее плавание – побывал в Африке, Японии, на Цейлоне, в Сингапуре, сочетая обязанности матроса с трудом художника, зарисовывая драгоценные впечатления о чужеземных культурах и обычаях.

В 1970-80 гг. Зотов с успехом иллюстрировал детских писателей-юмористов, с большим тактом используя свою замечательную способность изображать смешное. В это же время он создал своё самое замечательное произведение – иллюстрации к сказкам А. С. Пушкина, среди которых сатирическая и загадочная «Сказка о Золотом петушке». В иллюстрациях О. Зотова сияют своей подлинной невыдуманной красотой терема и храмы, одежда, утварь, конская упряжь, колокола и пушки, сундуки и избы. Мир его иллюстраций созвучен тем невероятным чудесам, той «небывальщине», присущей всякой, в том числе и пушкинской сказке. Загадочно обольстительна Девица, Шамаханская царица. Но её восточное царственное величие: тюрбан и шаровары дополняют богатое платье по моде XIX века и зонтик. Ирония присутствует и в иллюстрациях мудреца Звездочёта: его лицо окрашено зелёным декоративным пятном.

В 1981 г. О. К. Зотов был удостоен приза «Золотое яблоко» Международной биеннале в Братиславе за иллюстративную серию к сборнику пушкинских сказок издательства «Малыш».

(Наст. изд., с. 1-2).

*Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль иль небыль разглашала
Под столицей, близ ворот,
С шумом встретил их народ, -
Все бегут за колесницей,*

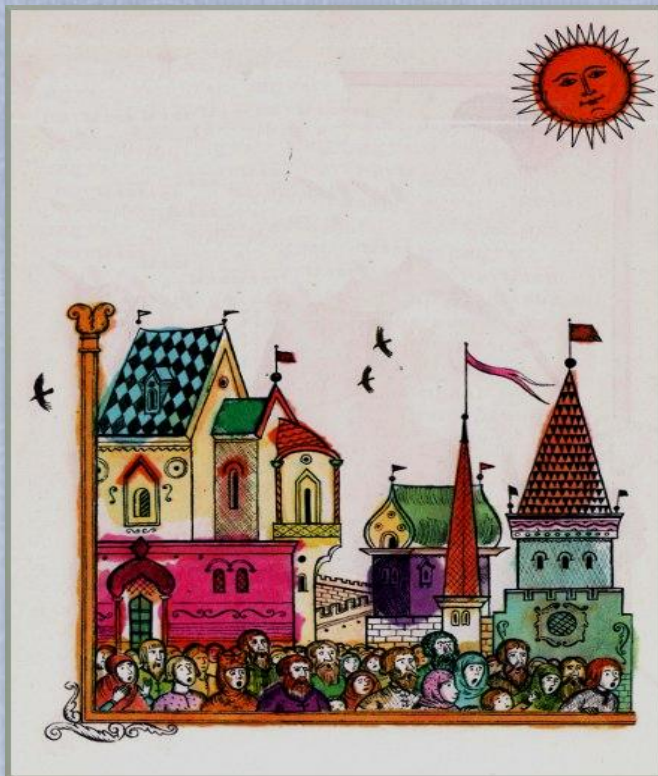
*За Дадоном и царицей;
Всех приветствует Дадон...
Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой,
Весь как лебедь поседельный,
Старый друг его, скопец.
— А, здорово, мой отец, —
Молвил царь ему. — Что скажешь
Подь поближе. Что прикажешь? (Наст.
изд., с. 23-24).*

*«Царь! – отвечает мудрец, –
Разочтёмся наконец.
Помнишь? За мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу».*
*Крайне царь был изумлён.
«Что ты? – старцу молвил он, –
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся?
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярский,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего».*
*— Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу», –
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;*

(Наст. изд., с. 25-26).

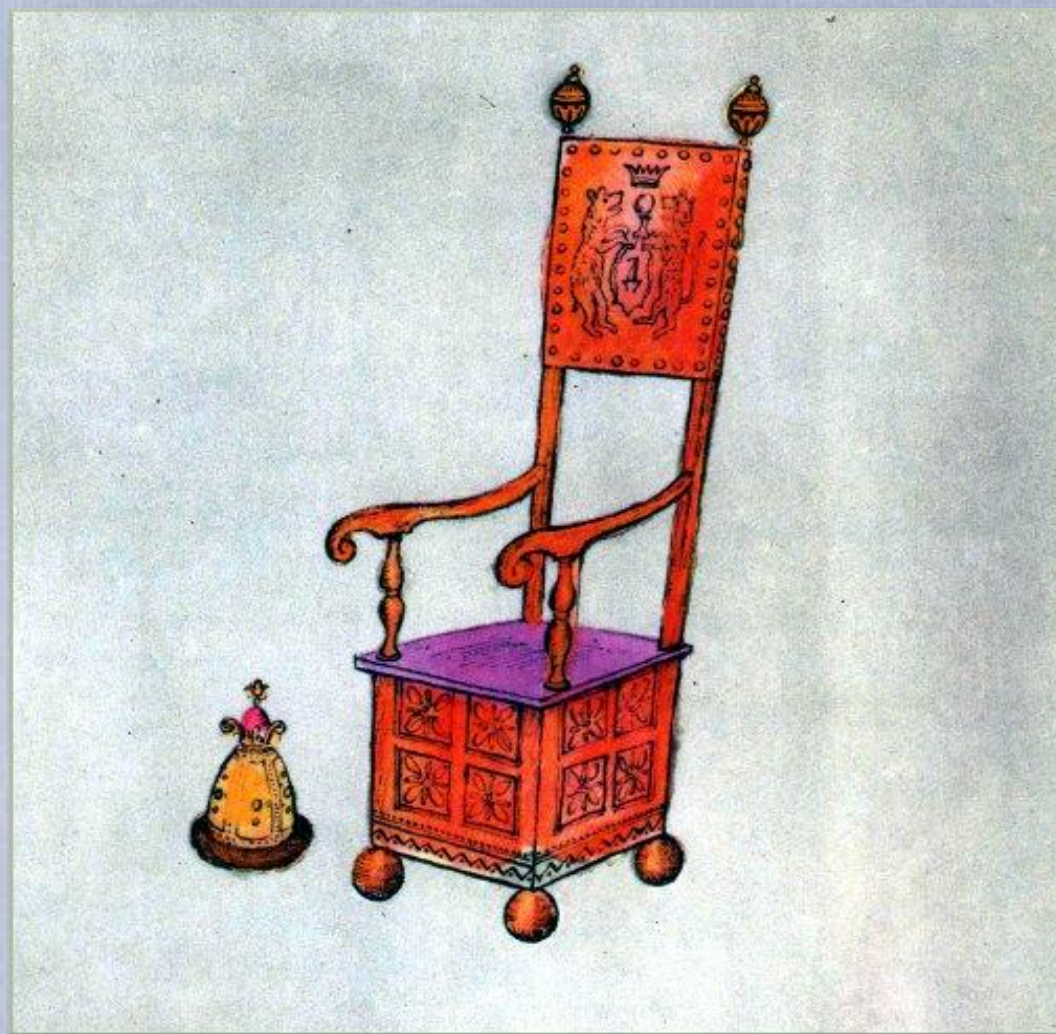
*Убирайся, цел пока;
Оттащите старика».
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. Вся столица
Содрогнулась, а девица –
Хи-хи-хи да ха-ха-ха !*

*Не боится, зная, греха.
Царь, хоть был встревожен
сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот , въезжает в город он...
Вдруг раздался лёгкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы
К колеснице полетел
И царю на темя сел,*

(Наст. изд., с. 27-28).

*Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон –
Охнул раз, – и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намёк!
Добрым молодцам урок.*

(Наст. изд. С. 29).

**За изданиями, представленными на выставке, приглашаем в Зональную
научную библиотеку имени В. А. Артисевич
(ул. Университетская, 42)**

